

© 1996 г. А.К. МАТВЕЕВ

СУБСТРАТНАЯ ТОПОНИМИЯ РУССКОГО СЕВЕРА И МЕРЯНСКАЯ ПРОБЛЕМА

1. К ПОСТАНОВКЕ ВОПРОСА

Летописная мера населяла Волго-Окское междуречье (ВОМ) и Костромской край (КК), иногда в совокупности называемые историческими мерянскими землями (ИМЗ), к которым относят современные Владимирскую, Ивановскую, Ярославскую области, восточные районы Московской и Тверской, а также западную часть Костромской. Территория Русского Севера (РС) — современных Архангельской и Вологодской областей — в древности заселялась и из ВОМ, причем миграции происходили неоднократно и затрагивали многие племена, прежде всего, насколько известно, финно-угорские, а точнее финские. Эти миграционные процессы, которые могли охватить и мерян, должны были, естественно, отразиться в языке и, в частности, в субстратной топонимии РС (далее — топонимии РС). В заселении РС могли участвовать и мигранты из других регионов — Фенноскандии, Межозерья, Северного Урала, Прикамья, но в связи с мерянской проблемой в первую очередь интерес представляет топонимия РС. Цель статьи — сопоставив топонимию РС и ИМЗ, выявить общие элементы, которые могли бы способствовать решению мерянской проблемы, прежде всего лингвостатистической идентификации мерянского языка.

Благодаря исследованиям археологов, длительные этнокультурные связи ВОМ и РС прослеживаются достаточно хорошо [Брюсов 1952; Фосс 1952; Андреева и др. 1987]. Им же мы обязаны за сведения по истории мери, реконструкцию ее образа жизни, установление этапов обрусения [Горюнова 1961; Третьяков 1970; Голубева и др. 1987]. Намного меньше известно об этноязыковых связях мерян с древним населением РС.

Нельзя сказать, что этот вопрос совсем не привлекал внимание ученых. Еще Д. Европеус в прошлом веке указывал на многочисленные черты сходства топонимии ВОМ и РС [Еuropeус 1868; 1874]. Позднее сопоставлениями такого рода занимались Б.А. Серебренников [Серебренников 1955] и Е.М. Поспелов [Поспелов 1967; 1970]. Сравнивая гидронимию ВОМ и РС, эти исследователи, однако, не касались мерянской темы. Их труды имели иную направленность, тем не менее способствуя выявлению общего фонда в названиях рек ВОМ и РС. Единственным ученым, который специально, правда, очень кратко, рассматривал мерянскую проблему на фоне топонимии более северных территорий был финский лексиколог Я. Калима [Kalima 1941; 1942].

Установив ряд соответствий между топонимами Карелии, РС и КК (*Шелтозеро*, *Шокиша* и др.) и убедившись в том, что такие названия нельзя считать прибалтийско-финскими, Калима выдвинул "мерянскую" теорию, считая, что древними насельниками КК были меряне. Согласно теории Калимы, русские, освоившие сперва территорию мери, перенесли затем часть мерянских наименований в Карелию и на РС, причем в этом процессе могли принимать участие и меряне, переселившиеся вместе с русскими.

В концепции Калимы многое вызывает возражения, особенно тезис о массовом переносе мерянских названий русскими или самими мерянами, хотя транспортиция

отдельных топонимов и даже фрагментов топонимической системы могла иметь место. Есть сомнение и в целесообразности употребления термина "мерянский" по отношению к названиям такого рода, поскольку еще надо доказать, что наименования типа *Шелтозеро*, *Шокша* именно мерянские. Специалисты единодушно отвергли "мерянскую" теорию Калимы [см., например, Nissilä 1967; 98—99], однако, как мы увидим в дальнейшем, в ней был элемент истины (см. 3).

Выборочные сопоставления топонимов ВОМ, КК и РС можно найти также в кандидатской диссертации О.В. Вострикова, посвященной финно-угорским заимствованиям в русских говорах КК [Востриков 1979]. Несколько севернорусских параллелей мерянским географическим названиям приводит в своей монографии О.Б. Ткаченко [Ткаченко 1985: 5].

Сопоставление обширных топонимических материалов, собранных на РС Севернорусской топонимической экспедицией Уральского университета (СТЭ) с топонимией ИМЗ, традиционно выделяемых по историческим, археологическим и этнотопонимическим данным¹, показало, что между географическими названиями ИМЗ и РС действительно имеются многочисленные соответствия. Это дает основание использовать севернорусскую топонимию при интерпретации мерянской, а мерянской при объяснении некоторых фактов топонимии РС, в частности, "марийских" названий (см. о них [Матвеев 1995: 36—38]).

Ядром мерянской проблемы сейчас, как и ранее, является спор о месте мерян в финно-угорском мире. Если не учитывать явно ошибочную "угорскую" теорию Д. Европеуса [Европеус 1868; 1874], то, как правило, меря считается, финским племенем, но спектр взглядов велик: от сближения мери с марийцами, которое наиболее обстоятельно аргументирует М. Фасмер [Vasmer 1935], до объявления ее прибалтийско-финским племенем в небольшой статье А.Л. Погодина, богатой идеями, но не фактами [Pogodin 1933]. Такой разброс мнений во многом объясняется обращением к одному и тому же не очень значительному, а порой и некачественному топонимическому материалу, который можно по-разному интерпретировать.

Источники другого рода — русские диалектные и аргоические слова предположительно мерянского происхождения — анализирует в своей монографии О.Б. Ткаченко. Дополнив их некоторыми топонимическими материалами, он восстанавливает на этой основе систему мерянского фонем, фрагменты морфологии и даже воссоздает краткий мерянский текст. В конечном счете О.Б. Ткаченко вслед за П. Равилой [Ravila 1937; 1938] отвергает предположение М. Фасмера о тождестве или близком языковом родстве мери и марийцев. Принимая тезис о промежуточном положении мерянского языка между волжско-финским и прибалтийско-финскими языками [Попов 1974; Востриков 1979; Добродомов 1980], он, однако, приходит к выводу об особенной близости мерянского к прибалтийско-финским и мордовским языкам [Ткаченко 1985: 185, 189].

Таким образом, в проблеме лингвотнической идентификации мерянского языка альтернативу создает прежде всего труды и позиции М. Фасмера, сближающего языки мери и марийцев, и О.Б. Ткаченко, считающего мерян в языковом отношении близкими родственниками прибалтийских финнов и мордвы.

2. ТОПОНИМИЯ МЕРЯНСКОГО ТИПА НА ТЕРРИТОРИИ РС

Прежде всего необходимо пояснить, что имеется в виду под топонимией мерянского типа. На территорию ИМЗ древняя топонимия выступает в сильно измененной обрешетчатой форме. Она плохо собрана и недостаточно изучена как с лингвогеографической, так и историко-лингвистической точки зрения. Поэтому названия, которые считаются сейчас мерянскими, могут и не быть таковыми. Следовательно, выделение топонимии мерянского типа в значительной степени — методический прием, способ классифи-

¹ Этот вопрос многократно освещался в научной литературе и возвращаться к нему снова нет необходимости: исторические, археологические и этнотопонимические сведения о мере в целом согласуются.

кации, имеющий целью выявление материала, с большей или меньшей вероятностью принадлежащего мерянскому языку.

Соответственно нет и абсолютных критериев выделения топонимии мерянского типа. Наиболее существенны: 1) фиксация структурно-словообразовательного типа на территории ИМЗ и его отсутствие на смежных территориях (кроме РС); 2) своеобразие топоформанта, позволяющее его выделять среди других финно-угорских топонимических структур при полной (отсутствие близких соответствий) или частичной дифференциации (соответствия в немногих языках); 3) полная или относительная прозрачность семантики топоформанта, уменьшающая возможность произвольных толкований и случайных совпадений. Кроме того, учитывалось и мнение исследователей о принадлежности того или иного типа названий к мерянской топонимии.

Такой подход позволяет исключить из числа предположительно мерянских ряд очень распространенных структурно-словообразовательных типов. Так, топоформант $-V + n(b)za$ (*Войни́нга*, *Пече́ньга*), встречающийся изредка на территории ВОМ, чаще в КК, и очень распространенный на РС, имеет формальные аналогии в суффиксах мордовских и обско-угорских языков, но может объясняться и на прибалтийско-финско-саамской почве. Этимологически он не раскрыт (возможно, имеет разные источники), семантика его неясна. Гидронимы на $-V + ma$ (*Ухто́ма*, *Яхро́ма*) очень широко представлены на территории ИМЗ и столь же частотны на РС. Топоформант этимологически и семантически неясен, возможности его интерпретации тоже многообразны (в том числе и $*-V + \eta(a) > -V + ma$). Все такие названия при современной изученности вопроса нельзя относить к топонимам мерянского типа, хотя фактически они могут оказаться мерянскими или близкородственными с ними (см. 5). Но пока включение этих названий в мерянский материал только еще больше затемнит и без того сложную картину, так как они (полностью или частично) могут быть и немерянскими (скорее всего — домерянскими, т.е. субсубстратными). Вопрос о связи этих названий с мерянской топонимией — последующая сложная задача, которая должна решаться с учетом севернорусских данных.

Особый случай — названия на $-V + ba$, которые сопоставляют с финскими причастиями на $-va$ [Ткаченко 1985]. Так, например, костромское *Андоба* сравнивается с фин. *antaa* "давать", *antava* "дающий", морд. *андомс* "кормить" и реконструируется как мерян. **anDoBa* со значением "кормящий", "дающий" [Ткаченко 1985: 47, 132], а *Кондоба* как мерян. **konDoBa* "(при)носящий (свою воду другой реке)", ср. фин. *kantava* "несущий" от *kantaa* "нести" [Ткаченко 1985: 117]. В этих интерпретациях вызывает сомнение уже семантическая трактовка названий, которая не укладывается в традиционные модели финно-угорской топонимии. Но и без обращения к семантике, которая часто вызывает споры, здесь легко обнаруживается ошибочность интерпретации, так как не учитываются русская фонетическая адаптация и свидетельства исторических источников. Достаточно привести список названий на $-V + ba$, зафиксированных на территории ИМЗ, чтобы увидеть определенную закономерность: *Андоба*, *Банеба*, *Кондоба*, *Сандеба*, *Санеба*, *Синеба*, *Сондоба*, *Сундоба*, *Тонеба*. Оказывается, таких названий немного, и все они имеют в топооснове консонантную группу *нд* или согласный *н*. Это позволяет видеть в топоформанте $-V + ba$ результат комбинаторного изменения, а именно переход $-V + ma > -V + ba$ на почве диссимилиации носовых.

Еще показательнее данные исторических документов XVI в., в которых костромская река *Андоба* систематически именуется *Андомой*, ср.: "Се яз Иван Григорьевич Морозов купил есми у Семена у Козла... его вотчину... в Костромском уезде в Андомской волости на рецѣ на Андоме" [Акты... 1975: 270—271]. Все это позволяет считать топонимический тип на $-V + ba$ вторичным, возникшим на русской почве, и свести его к $-V + ma$. Таким образом, эти названия не имеют отношения к финским причастиям на $-va$ и пока тоже не могут считаться мерянскими.

Труднее решить вопрос о многочисленных в ИМЗ названиях на $-V + ga$, $-V + z$, $-V + xa$, $-V + x$ (*Воймега, Карюг, Ландех* и т.п.), которым на РС соответствуют наименования на $-V + ga$, $-V + z$ (ср. фин. *joki*, карел. *jogi*, саам. *jokká* "река", марийск. *йогы* "течение", "поток" и т.п.). Их финское в широком смысле происхождение несомненно, при этом предполагается, что топоформант $-V + x$ возник на русской почве из $-V + z$ [Поспелов 1967: 81]. Однако субстратные названия на $-V + z(a)$, $-V + x(a)$ очень трудно идентифицировать как достояние какого-либо определенного финского языка, поскольку соответствующий гидрографический термин сохранился в разных модификациях почти во всех финно-угорских и самодийских языках. Поэтому уверенно связывать эти названия на территории ИМЗ с мерянскими источниками пока не представляется возможным, особенно если учесть соответствия в основах топонимов на $-V + z(a)$, $-V + n(b)ga$ и $-V + ma$. Тем не менее клязьминские гидронимы на $-V + x$ (*Люлех, Тюних*) и костромские на $-V + ga$ (*Корнега, Сондога*) некоторые исследователи считают мерянскими и, видимо, не без оснований [Ткаченко 1985: 72—73; Востриков 1979: 48—50].

Как предположительно мерянские интерес представляют прежде всего названия населенных пунктов на $-бал$, $-бол$, наименования рек на $-бож$, $-ингирь$, $-кура$, $-курга$ и озер на $-кур$ и $-V + хра$.

Названия на $-бал$ (*Куткобал, Шудобал*), $-бол$ (*Толгобол, Яхробол*), реже $-пал$, $-пол$, $-пола$ и т.п. довольно широко распространены на территории ИМЗ (более 30 названий). Почти все они относятся к населенным пунктам, иногда прилагаются также к смежным рекам, ср. село *Нушпола* (*Нушполо, Нушполы*) и река *Нушпола* (*Нушполка*), или озеру, ср. населенный пункт *Яхробол* и озеро *Яхробольское*. Метонимическим переносом ойконим > гидроним или ойконим > ороним объясняются и те редкие случаи, когда известен только гидроним (*Ружбал, Шенбалка*), или наименование урочища (*Хихиболы, Шаипал*). Они обусловлены исчезновением населенного пункта и хорошо известны в топонимической ономастиологии. Таким образом, $-бал$, $-бол$ и т.п. — чисто ойконимический топоформант, который вопреки Европеусу не следует сопоставлять с венг. *fylő* "река" [Европеус 1868: 64—65; 1874: 12]. Семантика этого топоформанта точно не установлена, однако его ойконимический характер признается М. Фасмером и А.И. Поповым. Ссылаясь на письменное сообщение Я. Калимы, Фасмер сопоставляет $-бал$, $-бол$ с фин. *palva* (в топонимах), венг. *falu* "деревня", Попов склоняется к сравнению с пермскими источниками, ср. удм. *пал* "сторона". Как эти, так и другие этимологические поиски (ср. манс. *pávyl* "поселение", саам. *bælle* "сторона", "половина", морд. *веле* "село", марийск. *вел* "сторона", "край", "страна") не выходят, однако, за уровень рабочих гипотез. Несмотря на этимологические трудности, топоформант единодушно считается мерянским [Vasmer 1935: 585—587; Попов 1974: 15—16, 22—23; Востриков 1979: 60—63; Ткаченко 1985: 61—62], прежде всего благодаря его четкой географической привязке и зоне ИМЗ и отсутствию сколько-нибудь надежных соответствий в топонимии других финских языков.

Колебания звуков в топоформанте ($b-n$ и $a-o$) могли быть обусловлены различными факторами (влияние соседних звуков, время усвоения и т.п.) и возникнуть как в языке-источнике, так и на русской почве. Так, топонимы *Мушпал, Нушпола, Шаипал* ясно указывают на связь вариантов топоформанта, имеющих начальное n ($-пал$, $-пола$ и т.п.) с наличием предшествующего звука $ш$. Соответственно названия *Кужбал, Пужбол, Ружбал* свидетельствуют о взаимосвязи $-бал$, $-бол$ и предшествующего $ж$. Все это хорошо иллюстрирует общность вариантов топоформанта с начальными n и b . Единство топоформанта подтверждается и отсутствием сколько-нибудь выраженных ареальных закономерностей в распределении его вариантов.

Топонимы, подобные мерянским названиям на $-бал$, $-бол$, широко распространены и на территории РС (до 70 наименований), однако они не образуют полного единства и члениятся на несколько локальных групп. Это также ойконимы и обозначения

урочищ, изредка гидронимы, т.е. соотношение названий с географическими объектами на РС то же, что и на территории ИМЗ. Особенно близки к мерянским многочисленные названия на *-бал*, *-пал* в западной и южной частях Белозерского края (*Андопал*, *Вадбал*, *Кодобал*, *Костобал*, *Купчебал*, *Ледбал*, *Пахтабал*, *Турпал*, *Чанабал*, *Чёмбал* и т.п.). Изредка такие наименования фиксируются по Сухоне (*Вожбал*, *Нёнбал*), верховьям Ваги (*Кушпал*), и ее притоку Устье (но уже с гласной финалью — *Кубало*, *Обало*, *Солобало*, *Сорбало*, хотя записан и вариант *Кубал*). Встречаются они в вариантах *-бала*, *-пала* и к западу от озера Лача (*Кимбала*, *Шимпала*, *Шурамбала*), а также по среднему и нижнему течению Сев. Двины и ее притокам (*Котабала*, *Парабала*, *Соломбала*, *Талубала*, *Торопало*, *Удorbала*, *Ханабала*). Наконец, очень плотный ареал таких названий обычно с вариантом топоформанта *-пола*, но иногда и *-бола* выявлен на Пинеге (*Выноспола*, *Кушкопола*, *Кыскопола*, *Ластепола*, *Летопола*, *Никопола*, *Солопола*, *Чучебала* и т.п.), и Мезени (*Ерепала*, *Санопола*, *Чучепола*, *Шумболка*, *Юкшеболка* и т.п.).

В фонетико-морфологическом отношении показательно преобладание консонантных окончаний в южной части региона, что согласуется с распространением в этих же местах гидронимов на *-V + z*, а также с мерянскими названиями.

Все эти данные позволяют сделать вывод, что на территории РС в древности функционировал тот же ойконимичный топоформант, что и в зоне ИМЗ. Однако топонимы с его различными модификациями на РС скорее всего принадлежали разным языкам. Следовательно, в этом случае надо говорить не о мерянской топонимии на РС, а только о топонимах мерянского типа: севернорусские названия на *-бал*, *-пал* и т.п. могут быть и немерянскими и в основном, видимо, и являются таковыми (подробнее см. 5).

Гидронимы на *-бож*, *-ингирь*, *-кур* (*-кура*, *-курга*) на территории ИМЗ встречаются реже, чем названия на *-бал*, *-бол*.

Названия на *-бож*, в вариантах на *-баж*, *-бажа*, *-паж*, *-пажа*, *-паиш*, *-боиш*, распространены в Ярославском Поволжье (район Углича), под Москвой (район Дмитрова), а также во Владимирском крае, ср. *Бердобожка*, *Егобож*, *Инобож*, (*Инобаж*, *Инопаж*), *Кибож*, *Коропаш*, *Кучебож* (*Кучебажа*, *Кучебожа*), *Лухтобажа*, *Неропажа*, *Онтонаж*, *Почебоиш*, *Рандобож*, *Серобож*. Близкие по типу названия засвидетельствованы и в басс. Унжи (КК) — *Ворваж*, *Колбаиш*, *Сивеж*. К мерянским наименования такого рода относит М. Фасмер, сравнивая их с марийск. *важ*, *вож* "корень" (= "место разветвления", "исток") [Vasmer 1935: 587—588]. Они достаточно часто встречаются в местах, населенных марийцами, ср. *Кожваж* "Еловый исток", *Күваж* "Каменный исток", *Шүргөваж* "Лесной исток" и т.п. Однако подобные названия обычны и в коми топонимии, где *вож* "ответвление", "исток реки", "рассоха", ср. *Войвож* "Северный исток", *Косвож* "Сухой исток", *Лунвож* "Южный исток" и т.п. В прибалтийско-финских, саамском и мордовских языках соответствующих лексем или вообще нет или они фонетически и семантически далеки (морд. мокш. *ужа*, "угол") [Лыткин, Гуляев 1970: 60, 69—70].

Колебание *a—o* и в этом случае может иметь столь же многообразные причины, что и в *-бал*, *-бол*. Так, М. Фасмер колебания гласных в обоих топоформантах считает результатом одновременной русской адаптации — древней *a > o* и более поздней *a > a*. Наличие *ш* вместо *ж* в исходе названий скорее всего связано с неточной фиксацией. Сложнее объяснить колебание *b—n*: *b* может восходить к древнему билабиальному *β*, а более редкое *n* обуславливаться ассимиляционно-диссимиляционными процессами на русской почве.

На РС плотный ареал гидронимов с соответствующим топоформантом *-важ* (варианты *-ваиш*, *-баж*, *-баиш*, *-маж*, *-маиш*, *-веж*, *-беж*, *-меж*) находится в юго-восточной части региона в прямоугольнике между Вагой, верховьями Пинеги и Сухоны.

Встречаются они, хотя и не очень часто, и в среднем течении Устья (*Амбеж, Поваж, Роваж*).

Зафиксировано до 80 названий этого типа, из них около половины с вариантом *-важ* и приблизительно 20% с вариантом *-веж*, так что эти разновидности должны считаться основными (*Кестваж, Ухваж—Матвеж, Сивеж*). Варианты топоформантами *-баж* (*Вадьбаж*), *-беж* (*Амбеж*), *-маж* (*Мармаж*), *-меж* (*Нечмеж*) возникли на почве комбинаторных изменений скорее всего уже в русском языке. В некоторых случаях они легко объяснимы: **Аивеж* > *Амбеж*, **Марваж* > *Мармаж*. Согласный *ш* в исходе может быть следствием неточной записи, хотя нельзя совсем исключить лексикализацию форм на *-ш* (*Кумбаш, Нельмаш* и т.п.) в русской речи. Наиболее сложно для объяснения колебание *-важ—-веж*. В этом случае либо следует восстанавливать исходное **vāž* с различной рефлексацией **ā* в русском языке (*а* и *е*), либо допустить воздействие какого-либо языка-посредника, например, прибалтийско-финского, с развитым сингармонизмом. Поскольку несомненен терминологический характер топоформанта, предположение о существовании сингармонических вариантов в языке-источнике непродуктивно.

Топоформант *-ингирь* неоднократно засвидетельствован в самостоятельном топонимическом употреблении (названия рек *Ингирь, Ингерь*, реже *Ингарь*): 8 фиксаций в западной части Костромской области, особенно в басс. Унжи, 3 — во Владимирской, 1 — в Ивановской. В роли топоформанта та же картина: во Владимирской области — *Вангирь, Ненгирь, Сангер, Сингерь, Сингорь, Сунгирь, Унгарь*, в западной части Костромской — *Левангирь, Лынгирь, Пангирь, Сонгирь, Ухтингирь, Шачингирь, Шингирь*. Топоформант может сильно варьировать. Наиболее обычен вариант *-ингирь*.

Гидронимы с топоформантом *-ингирь* не встречаются на территории Ярославской области. Это может объясняться следующими обстоятельствами: 1) при сильной диалектной дробности мерянского этноса рассматриваемый географический термин не был известен "ярославскому" диалекту; 2) географический термин обозначал небольшие речки и ручьи, поэтому на давно обрусевшей ярославской территории, где субстратная микрогидронимия плохо сохранилась, гидронимы на *-ингирь* были вытеснены русскими названиями. Впрочем, их мало осталось и во Владимирской и Костромской областях.

Этот географический термин замечателен в том отношении, что из ныне существующих финно-угорских языков засвидетельствован только в марийском, ср. *энер* "речка", горно-марийск. *ангыр* "ручей", "маленькая речка", и очень хорошо представлен в марийской гидронимии. Таким образом, топоформант *-ингирь* относится к числу ярко дифференцирующих. Принимая мерянское происхождение названий рек с топоформантом *-ингирь* и гидронимов *Ингирь*, мы фактически признаем большую близость мерянского языка к марийскому. Не случайно отношение к этим названиям во многом определяется исходной установкой: М. Фасмер, В.В. Седов, О.В. Востриков считают *-игирь, Ингирь* мерянским реликтом [Vasmer 1935: 579; Седов 1974: 32; Востриков 1979: 64—65], А.И. Попов — поздним марийским наслоением [Попов 1974: 24—25], а О.Б. Ткаченко вообще не упоминает об этом гидронимическом типе ИМЗ.

На территории РС аналогичные названия на *-енгарь* (о вариантах см. 3) находим только в среднем течении Устья, где СТЭ засвидетельствовано их небольшое, но плотное гнездо, которое было описано и сопоставлено с соответствующими мерянскими названиями Владимирской и Костромской областей [Матвеев 1965: 138—139; 1970: 316—318]. В свете всего сказанного эти названия должны считаться марийскими или мерянскими по происхождению.

Еще один своеобразный топонимический тип на территории ИМЗ — названия пойменных "старичных" озер на *-кур*, особенно характерные для Владимирской области, а также восточных окраин Московской (*Качкур, Печкур* и т.п.). Но названия этого типа нередко прилагаются и к рекам, ср. в тех же местах гидронимы *Вишкур*,

Каскура, Печкура. Гидрографический термин известен и в самостоятельном топонимическом употреблении, ср. названия озер *Кура* и *Куро*.

Топоформант *-кура* со значением "овраг" выделял еще Д. Европеус, считая его угорским по происхождению [Еuropeус 1874: 12], но более убедительным прибалтийско-финско-саамские соответствия, ср. фин. *kuri* "длинное узкое углубление; залив или ложбина, ущелье или русло с крутыми берегами" и саам *kurra, gurrâ, kurr* "узкое углубление (проход) в горной тундре", "отверстие", "ущелье" [SKES 1955—1981: 247]. В то же время можно указать и на интересные структурные соответствия с марийским языком, ср. название озера *Воскураш* во Владимирской области, уже упомянутые названия озер на *-кур* типа *Качкур* и марийск. *ер* "озеро", *ераш* "озерко".

Прямые соответствия владимирским названием изредка встречаются в разных частях РС (*Лакмокуры, Пикуры* и т.п.), более отдаленные с топоформантом *-курье, -курья* (*Вондокурье, Улдокурье; Лавкурья, Пачкурья*) высокочастотны в восточной и северо-восточной частях РС, где в диалектной лексике обычен и географический термин *курья* "небольшая речка", "протока", "старица". Топонимы этого типа обозначают речки, протоки, речные заливы, "старичные" озера. Семантические переходы в соответствующих географических терминах общеизвестны.

Этимологическая связь названий на *-кур, -кура, -куры* и *-курье, -курья* несомненна, но ее характер и направление развития пока не удалось установить. Вопрос еще больше усложняется тем, что в Костромской области при отсутствии названий на *-кур* отмечены гидронимы на *-курга* (*Линкурга, Никурга, Яккурга*), а в Ярославской есть река *Курга*, название которой, правда, сопоставляют с фин. *kurki* "журавль" [Vasmer 1935: 559—560]. Кроме того, СТЭ обнаружила на РС небольшое гнездо (5 названий) гидронимов на *-курга* (*Кочкурга, Шаткурга* и др.) в пределах охарактеризованного выше среднеустьянского ареала *-енгарь* [Матвеев 1965: 139]. Их можно сопоставить с названиями на *-курья*, что допустимо с учетом широко распространенного фонетического перехода $g > \gamma > j(i)$ [Серебренников 1974: 139, 147]. Костромские и среднеустьянские названия на *-курга* сравнивались О.В. Востриковым, с точки зрения которого в основе топоформанта может быть волжско-финское слово типа морд. *курого* "рот", "отверстие", марийск. *кõргõ* "нутро", "внутренность" [Востриков 1979: 65—66].

Исходя из того, что топоформанты *-кур(а)* и *-курга* лингвогеографически находятся в отношении дополнительной дистрибуции, можно предположить, что в топонимии ИМЗ отражены два родственных диалектных слова **kur* и **kurg(a)*.

Озерные названия на *-ехра, -ихра* "озеро" обсуждались неоднократно и обычно квалифицировались как мерянские (см., например, [Попов 1965: 118—119; Седов 1974: 32]). Эти названия характерны прежде всего для Владимирской области, но ойконим *Яхробол* на озере *Яхробольском* в Ярославской области и гидроним *Яхромиша* (приток Чухломского озера) в Костромской сразу указывают и на русскую форму мерянского аппеллятива со значением "озеро" **яхр²* (> *-ехра, -ихра* в топоформанте) и на ее распространение в других районах ИМЗ. Следует, однако, заметить, что М. Фасмер, либо не располагая материалом, либо по какой-то другой причине не рассматривает названия на *-ехра, -ихра* в своей работе о мере [Vasmer 1935].

Поскольку об аналогичных названиях на РС нам уже приходилось писать [Матвеев 1969: 51, 53], остановимся здесь только на нескольких существенных моментах.

1) Распространение названий на *-ехра, -ихра* типа *Вичехра, Исихра, Кочихра, Печехра, Пузехра, Сезехра, Суехра* и т.п. во Владимирской области, где они достаточно многочисленны, явно связано с физико-географическими условиями — большим количеством озер в бассейнах Оки и Клязьмы. В Ярославской и Костромской областях

² Как будет видно из дальнейшего, в мерянском скорее всего было **jāxr*. В целом же для сколько-нибудь серьезной реконструкции мерянских лексем пока нет базы.

озер мало, хотя есть несколько крупных, которые в мерянском языке, по-видимому, обозначались другой лексемой [Матвеев 1978].

2) На РС, где озер очень много, в их названиях представлены прежде всего полукальки типа *Пертозеро, Шардозеро*. Двухкомпонентные названия озер с субстратным топоформантом на РС встречаются сравнительно редко. Напротив, в ВОМ полукалек практически нет, что указывает на какой-то иной характер языкового контакта (отсутствие длительного двуязычия?).

3) На РС преимущественно близ Сев. Двины и по ее небольшим притокам засвидетельствован ряд названий озер, аналогичных волго-окским наименованиям на *-ехра, -ихра*, ср. *Копагра, Оногра, Суегра* (ср. *Суехра* в ВОМ), *Чавегра* и т.п. Сюда же надо отнести и хорошо известное название озера *Рушеягр* (XV в.) в низовьях Сев. Двины (ср. *Яхробол*).

Близость мерянских форм на *-V + хра* к северным на *-V + гра* очевидна, но пока и в названиях на *-V + гра* можно видеть только топонимию мерянского типа, а не собственно мерянские топонимы. Эти названия могут быть, например, древнесаамскими, о чем нам уже приходилось писать [Матвеев 1969: 51].

4) Изменение $g > \gamma > x$ (ср. *ягр-* и *яхр-*) могло иметь место в некоторых субстратных языках вследствие ослабления исконной смычной артикуляции, отраженной в топонимии РС, и переходом ее в фрикативную, причем спирант мог и вообще исчезнуть (ср. название озера *Мачер* в среднем течении Устья). Однако иногда при соответствующих условиях x могло, видимо, появиться и в русской речи, ср. в южной части РС *Ягрыши*, но *Яхреньга*.

Сопоставим теперь все приведенные факты в таблице 1, выделив в отдельную рубрику примечательный среднеустыянский микрорегион РС. При этом, чтобы не перегружать ее, укажем только основные варианты топоформантов. Прочерк означает отсутствие фиксации.

Таблица 1

ИМЗ			РС	
Владимирская обл.	Ярославская обл.	Костромская обл.	Средняя Устья	Другие территории
-бал, -бол	-бал, -бол	-бал	-бал(о)	-бал(а), -нал(а)
-бож	-бож	-важ	-важ, -веж	-важ, -веж
-ингирь	—	-ингирь	-енгарь	—
-кур(а)	<i>Курга(?)</i>	-курга	-курга	-куья, -курье
-ехра	яхр-	яхр-	-ер	-егра, -ягр

Из таблицы следует, что все характерные мерянские топонимические типы ИМЗ распространены и на РС, хотя их ареалы в пределах этого региона совпадают только частично, а иногда очень невелики (среднеустыянские названия на *-енгарь* и *-курга*). Нельзя исключить, что среди севернорусских названий есть и собственно мерянские, однако, с точки зрения формального анализа, следует говорить только о мерянских типах: топонимические, "мерянизмы" на РС могут быть разного происхождения. Но поскольку заселение РС происходило из ВОМ, выявление собственно мерянских названий на территории РС не должно быть неожиданностью. Наиболее интересным для таких поисков был бы микрорегион РС, на территории которого зафиксированы все или почти все мерянские топонимические типы. Именно таким и является небольшой среднеустыянский микрорегион, где (и только там на РС!) засвидетельствованы речные названия с топоформантом *-енгарь*, а также топонимы на *-бал(о)*, *-важ* и *-курга*. Озерный топоформант *-V + гра*, как уже было сказано, редкий на РС, здесь, правда, не обнаружен, но в среднем течении Устья вообще мало озер, причем название одного

из них *Мачер* характеризуется топоформантом *-ер* (подробнее о связи *-ер* с *-егра* и *-ехра* см. 3). Так или иначе, для решения мерянской проблемы именно среднеустьянская территория представляет наибольший интерес как зона возможного распространения мерянской топонимии, и поэтому она сразу же привлекла к себе внимание [Матвеев 1970: 316—318; Седов 1974: 32; Востриков 1979: 64—65].

3. ТОПОНИМИЯ СРЕДНЕУСТЬЯНСКОГО МИКРОРЕГИОНА НА ЮГЕ АРХАНГЕЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ

Этот микрорегион охватывает участок среднего течения реки Устья, правого притока Ваги, между селом Орлово и поселком Квазеньга в Устьянском районе Архангельской области. Он относительно удален от большой реки и поэтому раньше был трудно доступен. Возможно, это объясняет, почему среднее течение Устья было когда-то выбрано для поселения мигрантами из ВОМ.

Хотя в пределах среднеустьянского микрорегиона (СУ) отмечен ряд специфических формальных типов — на *-бал(о)*, *-курга* и др., наиболее многочисленны и прежде всего послужили основанием для его выделения гидронимы на *-енгарь*. К настоящему времени их выявлено 15. Это, как правило, названия небольших речек и ручьев, которые и приводятся ниже в наиболее употребительном варианте: *Ваненгарь*, *Коненгарь*, *Куберенгарь*, *Кулангарь*, *Кунангирь*, *Куненьгарь*, *Лапонгарь*, *Моткангарь*, *Ошенгарь*, *Пыженгор*, *Синенгарь*, *Сюнгирь*, *Унысынгарь*, *Шишенгарь*, *Юченгарь*.

Как видно из этого перечня, находящийся в слабой позиции гласный второго слога варьирует (ср. *Ошенгарь*, *Ошеньгарь*, *Ошингарь*, *Ошиньгарь*, *Ошингирь*, *Ошингарь*), тем не менее в большинстве названий начальным гласным топоформанта является *e*. Поэтому вариант *-енгарь* и рассматривается как основной. Это позволяет увидеть определенное звуковое различие (*и—e*) между топоформантами *-ингирь*, на территории ИМЗ и *-енгарь* на СУ, который, напротив, сближается с марийск. *энгер*.

Варианты *Вангирь* (от *Ваненгарь*) и *Куньгарь* (от *Куненьгарь*) убедительно показывают, как возникли двусложные гидронимы типа *Вангирь*, *Неньгирь*, *Шингирь* и т.п. на территории ИМЗ.

Названия на *-енгарь* имеют большое диагностирующее значение, поскольку соответствующий марийский термин характерен только для этого языка и противопоставляет его всем другим финно-угорским языкам. Поэтому прежде всего надо решить, марийцам или мерянам принадлежат среднеустьянские названия на *-енгарь*. Предположение о том, что они восходят к какому-то третьему языку, можно будет выдвинуть только в том случае, если на поставленный вопрос мы не сумеем получить достаточно обоснованный ответ: ведь у нас нет данных о том, что такие названия были еще у какого-либо народа, кроме мерян и марийцев.

Если окажется, что эти названия мерянские, то и бытующие на территории ИМЗ названия на *-ингирь* придется признать мерянским субстратом, а не марийским адстратом. С другой стороны, если эти названия мерянские, то соответственно они будут указывать на определенную близость мерянского языка к марийскому. Таким образом, названия на *-енгарь* играют ключевую роль не только для СУ, но и для языковой идентификации мерянской топонимии на территории ИМЗ.

Рассмотрим вопрос, основываясь на выявленных ранее на территориях ИМЗ и СУ общих структурно-словообразовательных типах топонимов, сопоставляя их с соответствующими фактами марийского и некоторого других финских и — для большей убедительности — угорских языков. При этом прочерк означает отсутствие соответствия, а знак вопроса на его проблематичность.

Табл. 2 позволяет сделать следующие выводы. Во-первых, почти полная идентичность топоформантов на территориях ИМЗ и СУ на фоне более редких соответствий в живых финских и угорских языках ясно свидетельствует в пользу мерянского происхождения топонимии СУ. Это со своей стороны подтверждает мерянское проис-

ИМЗ	СУ	фин.	саам.	морд.	марийск.	коми	венг.	манс.
-бал, -бол	-бал(о)	<i>palva?</i>	—	—	—	—	<i>falu?</i>	<i>nāvval?</i>
-бож	-вож	—	—	—	-вож, -вож	вож	—	—
-ингирь	-енгарь	—	—	—	энгер	—	—	—
-кур(а), -курга	-курга	<i>kurū?</i>	<i>gurra?</i>	<i>kurgo?</i>	<i>kõrgõ?</i>	—	—	—
-ехра	-ер	<i>järvi</i>	<i>jawge</i>	эрьке	ер, йәр	—	—	—

хождение -ингирь в ИМЗ. Во-вторых, из ныне существующих финно-угорских языков наиболее убедительные соответствия топонимическим материалам ИМЗ и особенно СУ обнаруживаются в марийском. Они не позволяют идентифицировать топонимиио СУ как марийскую (на фоне полноты мерянских соответствий), но достаточны для того, чтобы увидеть большую близость мерянского языка к марийскому, чем к другим финно-угорским языкам.

Есть, однако, и другие факты, подтверждающие эти выводы и позволяющие их уточнить.

В том же Устьянском районе близ СУ находится большое село *Ростово*. Это название прямо указывает на заселение устьянской территории выходцами из Ростовского края ИМЗ, скорее всего русскими. Труднее решить вопрос о первоначальном населении деревни *Кадыевская* (СУ), наименование которой может быть связано и с финно-уграми: при неславянскбй внутренней форме этого пока нет интерпретированного названия соответствия ему находим в разных частях мерянской территории и даже за ее пределами, ср. ойконимы *Кадыево* близ Владимира, *Кадый* на западе Костромского края и *Кадуи* около Череповца.

Другие факты определенно указывают на связь населения СУ с ростовской территорией. Так, самому названию реки *Устья*, как бы его ни объяснять (а это можно сделать и на русской и на финно-угорской почве), соответствует наименование тоже довольно значительной реки *Устье*, в памятниках XV—XVI вв. — *Ус(т)ья*, впадающей в приток Волги *Которосль* близ Ростова. В свою очередь *Которосль* дважды возрождается в названиях небольших речек СУ — *Которас* и *Которость*, причем первое подходит на местный субстратный гидроним, а второе выглядит как в той или иной степени славянизированное. В первом случае вероятность создания названия именно мерянами намного увеличивается. Кроме того, эти факты объясняют происхождение конечного -росль в названии реки как оригинальную народную этимологию на русской почве (-рость > -росль), связанную с диссимилиацией глухих смычных (*Которость* > *Которосль*). Правдоподобность всего сказанного усиливается тем обстоятельством, что и у ростовского гидронима *Которосль* в XIX в. был записан вариант *Которость* [Титов 1885: 288], а в КК (басс. Унжи) есть река *Котрость*.

Весь этот материал, однако, свидетельствует главным образом только о переселении какой-то части ростовского (а также, видимо, владимирского) населения на территорию СУ и смежных с нею земель. Правда, некоторые названия (*Кадыевская*, *Которас*) можно рассматривать как мерянские в своей основе, но они с таким же успехом могли быть перенесены и русскими. Вообще очень вероятно, что меряне осваивали эту территорию вместе с русскими, вовлеченными в общий колонизационный поток.

Есть, однако, данные, которые достаточно убедительно указывают на собственно мерянское происхождение местных финно-угорских названий. Таковы прежде всего сами гидронимы на -енгарь и -курга, если их рассматривать как единый корпус: в практике топонимической ономастиологии неизвестны случаи столь массового переноса

однотипных названий мелких гидрообъектов. Очевидно, они возникли на территории СУ, но по тем моделям, которые принесли с собой мигранты. Если рассматривать гидроним *Сюнгийр* вне связи с другими названиями этого типа на территории СУ, его вполне можно считать переносом владимирского *Сунгийр* (ВОМ), но на общем фоне названий на *енгарь* (СУ) естественнее видеть и в этом названии результат местного имьятворчества, хотя, возможно и подготовленный ассоциацией с владимирским *Сунгийр*.

Имеются и другие факты, прямо свидетельствующие о собственно мерянском происхождении по крайней мере некоторых названий СУ. Здесь прежде всего следует привести местную параллель знаменитому суздальскому названию селения *Кибол* (ср. фин. *kivi*, марийск. *кӱ* "камень"), которое фигурирует почти во всех работах по мерянской проблеме, так как еще со времен Д. Европеуса сравнивается с наименованием реки *Каменка*, на которой стоит этот населенный пункт [Европеус 1868: 64]. Сам Европеус толкует *Кибол* как "Камень-ручей", однако это название означает, вероятно, "Каменное поселение". На территории СУ находим соответственно реку *Кубал*, населенный пункт *Кубало* (*Кубал*) и впадающий в Кубал близ этого населенного пункта ручей *Каменка*. Эту поразительную параллель можно считать абсолютно точной, поскольку появление у (СУ) вместо и (ВОМ) объясняется исторической фонетикой марийского языка: в слове *кӱ* "камень" звук *i* в довольно поздний период подвергся лабиализации под влиянием последующего *v* (ср. фин. *kivi* "камень"). Это же происходило и в некоторых других случаях перед губными согласными [Грузов 1969: 124]. Следовательно, мы, во-первых, получаем прямое указание на то, что переселение мерян произошло позже формирования мерянских названий на территории ВОМ, где следов такой лабиализации нет (ср. *Кибол*). Во-вторых, если и в этом случае произошел "мемориальный" перенос, крайне сомнительно, чтобы он был осуществлен русскими, поскольку метонимическая калька предполагает знание языка. Но даже если допустить такую редкую возможность, как точный перенос фрагмента гетерогенной по происхождению топонимической системы русскими, переместившимися с территории ВОМ в бассейн СУ (*Кибол* – *Каменка* > *Кубал* – *Каменка*), то она сразу же опровергается тем, что в этом случае на СУ утвердилась бы суздальская пара названий *Кибол* – *Каменка*: изменение вокализма *i* > *й* могло произойти только в мерянском языке, но никак не в русском.

На сравнительно поздний характер мерянской речи СУ, в некоторых отношениях приближающейся к марийской, указывает и название одного из немногих среднеустыньских озер *Мачер* или *Мачеро* (ср. марийск. *мача* "котцы, рыболовецкий снаряд из дранок" и *ер* "озеро"). Этот топоним самой своей формой свидетельствует об общем пути фонетического развития слова со значением "озеро" в мерянском и марийском языках (**jäxr*, **jexr* > **jä^hxr*, **je^hxr* > *jär*, *jer*).

Мерянское происхождение названий на территории СУ подтверждает также яркая метонимическая калька, вообще исключающая возможность переноса, т.е. явно возникшая на РС и не имеющая аналогий в ИМЗ. Речь идет о наименовании ручья *Кочкужмень*, впадающего в Устье около большого мыса выше деревни *Большой Наволок* (русс. диал. *наволок* "мыс") против села *Орлово*. Важность этих данных становится очевидной при сражении с марийск. *кучкыж* "орел" и с учетом того, что на РС *-мень* < *-немь* "мыс" (ср. фин. *niemi* "мыс"), тогда как в марийском языке семема "мыс" обозначается словом *мыс*, заимствованным из русского языка, или описательным *сер нер* "береговой нос". Реконструируемая семантика мерянского названия ("Орлиный нос") позволяет предполагать, либо наличие в мерянском топониме географического термина, родственного фин. *niemi*, который с течением времени исчез в марийском языке, либо гетерогенный характер названия, т.е. мерянско-прибалтийско-финскую полукальку. Что касается очень частого для топонимии РС соответствия *о* – *у* в первом слоге, то оно может объясняться как на финно-угорской, так и на русской почве. В данном

случае в марийском слове скорее всего отражено широкое распространение в марийском языке явление сужения гласного (*o > y*) [Грузов 1969: 126—130], т.е. мерянский язык сохранил в топонимии более древнее состояние (ср. фин. *kotka* "орел").

Таким образом, хотя явления переноса топонимов ВОМ в зону СУ были достаточно широко распространены, все же не приходится сомневаться в том, что верхний субстратный пласт топонимии СУ складывался именно в среде мерянских переселенцев из ИМЗ, хотя, как и во всех таких случаях, не без реминисценций и ассоциаций, связанных с родными — ростовскими и суздальскими — местами.

Это подтверждает и опыт этимологизации топонимии СУ. Учитывая приведенные свидетельства о близости мерянского языка к марийскому, предложим ряд других марийских этимологий для названий СУ, при этом для анализа привлекался уже весь корпус названий, включая топонимы с недифференцирующими формантами и основами. Ср.: *Вончес*, прибрежный луг — *вончак* "брод", *вончаш* "переходить", *Кильмов*, руч. — *кылме* "мерзлый", *Кодима*, р. (в нее впадает руч. *Избной*) — *кудо* "лачуга", "шалаш" (при мерян. *o* — марийск. у, ср. фин. *kota* "хижина", "шалаш"), *Куберенгарь*, руч. — *кўвар* "мост" < тюрк., ср. татар., башк. *кўпер*, чуваш. *кёпер* "мост" [Исанбаев 1994: 87], *Куваж*. руч. — *кў* "камень" (ср. *Кибож*, *Кибол* в ИМЗ и *Кубал* на территории СУ), *Кузоверы*, д. — *вер* "место" *кўсõ* "летний праздник", *кўсото* "мольбище", *Кунангерь*, руч. и *Куненьгарь*, руч. — *кў*, род. ед. *кўн* "камень", *кўан* "каменистый", *Лапангерь*, руч. — *лап* "низина", "низкий", *Лева*, р. — *леве* "теплый", *Луюга*, р. — *луй* "куница", *йогы* "поток" ("река"), *Норгасово*, поле (антропоним?) — *нõргõ* "молодой", *Ошингерь*, руч. — *ош* "белый", *Пищаткурга*, руч. — *нич* "дремучий, глухой (лес)" при сравнении двух смежных гидронимов *Шаткурга* и *Пищаткурга* реконструируемая форма **Пичишаткурга*³, которая поддерживается широко распространенной семантической моделью "Глухая Шаткурга") или *ний* "собака" (с учетом названия урочищ *Собачий*), *Пугарское*, болото — *пўгыр* "горб", *пўгырика* "бугор" < тюрк. [Исанбаев 1994: 122], *Пыженгор*, руч. — *пўжаиш* "гнездо", *Туриха*, д. и *Туровский*, руч. — *тура*, "крутой", или *тўр* "край", "крайний", "окраина", *Ускоперть* (*Устьскоперть*), р. и изба — *пõрт* "дом", "изба", *Чучкаж* (< **Чучкваш*), р. — *чўчкыдõ* "частый", "густой", *Юмыш*, р. — *юмо* "бог", "божий" и др.

Среди этих этимологий, несомненно, есть и ошибочные, но в сочетании со всем ранее сказанным довольно значительное для небольшой территории количество этимологий субстратных топонимов из марийского языка, а также весьма показательные факты фонетической эволюции типа мерян. (ИМЗ)**i* > мерян. (СУ)**й* = марийск. *й* свидетельствуют о том, что мерянские названия СУ принадлежат либо какому-то своеобразному древнемарийскому наречию, либо, и это вероятнее, языку, находящемуся в близком родстве с марийским. Однако возникает много вопросов.

Прежде всего названия целого ряда более или менее значительных рек СУ не находят достаточно убедительного объяснения на меряно-марийской почве. К их числу относятся гидронимы на -*V* + *га*, -*V* + *н(ь)га*, -*V* + *ма*. Правда, некоторые названия на -*юга*, -*уга* типа *Луюга* (см. выше) могут рассматриваться как мерянские, но в то же время они входят и в обширный ареал гидронимов на -*юга*, -*уга*, далеко выходящий за пределы СУ. Следовательно, эти названия могут быть и более древними, усвоенными устьянскими мерянами и, возможно, переработанными народной этимологией, и собственно мерянскими, которые возникли в пределах микрорегиона СУ независимо от других наименований такого рода, распространенных за его пределами. Наконец, допустимо и то и другое. Таковы *Верюга*, *Волюга*, *Еньчуга*, *Мельчуга*,

³ Звук *щ* совершенно не характерен для субстратных топонимов СУ и сопредельных территорий. Следовательно, он мог возникнуть только в каких-то особых условиях из необычной группы согласных, в частности, *чи*.

Сенюга, Уфтюга и т.п. Еще больше оснований относить к древнему пласту такие названия СУ, как *Еденьга, Квазеньга, Кованга, Костанга, Печеньга, Тюхтюньга, Шобанга*, а также *Падома* и *Сондема*, хотя и для них иногда находятся марийские параллели (ср. *Тюхтюньга* и марийск. *тукто* "утка-нырок"). Все это заставляет думать о среднеустыянском ареале мерян как о своего рода суперстрате, частично перенесенном, а в значительной степени вновь созданным мерянскими переселенцами из Поволжья, речь которых наслонилась на язык (языки) древнейшего гидронимического субстрата на *-юга, -уга, -V + н(ь)га, -V + ма*. Но дело в том, что и ареал квалифицируемых на СУ как мерянских названий на *-важ, -веж* выходит за пределы СУ и охватывает намного более обширную зону в юго-восточной части РС. Таким образом, и среднеустыянские названия на *-важ, -веж* тоже хотя бы частично могут оказаться субстратными по отношению к мерянской топонимии СУ. Проблема ареалов *-юга, -уга* и *-важ, -веж* далеко выходит за пределы СУ и еще более осложняется тем, что вследствие начального консонантизма формантов (*j, *v) основы могут быть очень искажены. Проблема эта выходит и за рамки нашей статьи. Поэтому ограничимся соображением, что устьянские меряне могли подселиться к родственному им более древнему населению. Это хорошо объясняет, как возникла двухслойность названий на *-юга, -уга* и *-важ, -веж* в пределах СУ, но осложняет решение вопроса о том, совпадает ли зона расселения северных мерян с ареалом *-енгарь* на СУ или она была больше, причем значительно (ср. 5).

Другой вопрос возникает в связи с тем, что мерянские элементы характерны главным образом для гидронимии, но почти не представлены в микротопонимии. Вероятно, в отличие от русских, меряне были прежде всего охотниками и рыбаками и в первую очередь им нужно было называть водные объекты, по которым проходили основные маршруты. Не случайно и то, что мерянские поселения *Кубал(о), Обало* и *Сорбало* находились в стороне от Устья на ее притоках, тогда как русские деревни тяготели в основном к берегам Устья.

Топонимическая стратиграфия СУ еще больше усложняется засвидетельствованными в этом микрорегионе прибалтийско-финскими названиями. Их не очень много, но они достаточно показательны, ср. названия ручьев *Карный* (фин. *kaarne* "ворон", вепс. *karņiš* "ворона"), *Мурдов* (вепс. *turd* "сор, мусор"), *Мягрой* (карел. *mägrä*, вепс. *mägr* "барсук"), *Сулуй* (фин. *sula*, вепс. *sula* "талый") и некоторые другие. В финалях *-ой, -уй, -ый* явно скрывается прибалт.-фин. (фин., карел., вепс.) *oja* "ручей", "канавка". На возможность прибалтийско-финского происхождения некоторых названий СУ указывает и коллективное прозвище жителей ряда местных деревень (Акичкин Починок, Грунцовская, Щипцово и др.) *зырь* (ср. фин. *syriä* "край", "сторона"), которое первоначально прилагалось не к коми-зырянам, а к заволочским прибалтийским финнам (подробности см. [Матвеев 1984]).

Прибалтийско-финские элементы на СУ можно интерпретировать по-разному: как более поздний прибалтийско-финский суперстрат; как прибалтийско-финский адстрат к мерянскому; как предшествующий мерянскому прибалтийско-финский субстрат.

Изучение топонимии СУ позволит сделать и некоторые другие выводы.

Во-первых, "мерянская" теория Я. Калимы (см. 1) имеет самое непосредственное отношение к топонимии СУ. Здесь налицо факты переноса названий русскими и мерянскими переселенцами, причем меряне или были захвачены общим потоком русской миграции (ср. выше) или продвинулись на СУ самостоятельно. Явление переноса названий свидетельствует, что значение "мемориальных" наименований раньше было меньше, чем в наши дни.

Трудно сказать, когда происходил процесс заселения СУ русскими и мерянами, а также когда обрусело местное мерянское население (кое-что, возможно, выяснится при архивных разысканиях), однако некоторые факты как будто бы косвенно свиде-

тельствуют о том, что среднеустыянские меряне были еще язычниками (грива *Боги*, болото *Богово*). Особенно интересно, что на территории СУ обнаружено пять названий *Синий Камень*, которым соответствуют многочисленные топонимы *Синий Камень* на территории Ярославщины, обозначавшие некогда сакральные объекты. На территории СУ в настоящее время эта сакральность полностью утрачена. Замечательно, однако, что другого такого скопления названий *Синий Камень* по данным картотеки СТЭ, на РС нет. Эти данные, а также соображения общецентрического характера позволяют предположить, что переселение мерян на СУ надо связывать с эпохой татаро-монгольского нашествия. Более позднее по сравнению с отраженным на территории ИМЗ состояние мерянской фонетической системы со своей стороны подтверждает высказанное предположение. Тюркизмы (ср. выше *Куберенгарь*, *Пугарьское*), отвергаемые для топонимии ИМЗ [Vasmer 1935: 516—517, 529], также указывают на принадлежность топонимии СУ к поздне-мерянскому состоянию.

Таким образом, в регионе СУ мерянский язык, возможно, в последней стадии своего развития, был ассимилирован русским языком позднее, чем на территории ИМЗ. Это и объясняет в значительной степени особенности местной формы мерянского языка, сближающие его с языком современных марийцев, ср. *ку-*, *-енгарь*, *-ер* (СУ) при *ки-*, *-инириь*, *-ехр(а)/яхр-* (ИМЗ) и марийск. *кү*, *энер*, *ер/йәр*.

Во-вторых, в свете среднеустыянского материала становится ясным, почему близость мерянского языка к марийскому обнаруживается с большим трудом. Конечно, этому способствует определенная специфика самого мерянского языка [см. особенно Попов 1974]. Достаточно вспомнить о загадочном топоформанте *-бал*, *-бол* и почти столь же неясном *-курга*. Однако факты такого рода не должны гипнотизировать. Даже у близкородственных народов, живущих длительное время на смежных территориях, иногда обнаруживается много этнокультурных различий. В еще большей степени это относится к языку, как показывают, например, саамские и хантыйские диалекты, больше похожие на самостоятельные языки. Но и относительно небольшие различия, малозаметные на фоне всего языка, могут утрироваться в весьма избирательном отражении топонимии, где несколько особых элементов способны сильно исказить общую картину. Между тем, мерянская топонимия СУ в большом количестве сохраняет старую лексику, которая в значительной степени и определяет специфику мерянского языка. Так, *мотк-* в *Моткангерь* соответствует фин. *matka*, саам. *tiot'ke* "путь", "волок", а *ухт-* в *Ухтаж* и *Ухваж* < **Ухтваж*, а также в *Ухтангирь* (КК) — фин. *ohio*, морд. *овто* "медведь". В марийском языке эти понятия сейчас обозначаются другими словами. Компонент *-мано* в названии прибрежного урочища *Корокмано* можно сравнить с саам. *тапп*, *тап*, *тапа* "плес" (*корок-* с учетом соответствия *о* — у сопоставимо с марийск. *курык* "гора", т.е. *Корокмано* — "Плес у горы").

Кроме того, наряду с уже рассмотренными топоформантами *-бал(о)* и *-курга*, есть и другие факты мерянской топонимики СУ, которые пока не находят удовлетворительного объяснения в ныне существующих финно-угорских языках. Таковы многочисленные наименования *Едьма*, *Идьма* как на территории СУ, так и вне ее в смежных Вельском и Шенкурском районах Архангельской области (ср. выше о топоформантах *-юга*, *-уга* и *-важ*, *-веж*). Очевидно, это местный географический термин, обозначавший какой-то вид селения или урочища, но сохранившийся только в топонимии. Возможно, что он коррелятивен с распространенным в других районах РС очень многозначным географическим термином *едома* и мерянскими названиями населенных пунктов в ИМЗ на *-едом*, *-одом* типа *Тюхтедом(ово)*, *Шушкодом* [Попов 1974: 19—20]. Так или иначе, эти названия, не имеющие сколько-нибудь убедительно-финно-угорской этимологии, опять-таки указывают на специфичность мерянского словаря, которая, однако, совсем не исключает близости мерянского языка к марийскому.

Мерянское происхождение одного из пластов топонимии СУ и его связи с географическими названиями ИМЗ, с одной стороны, и марийским языком, с другой, достаточно очевидны, и это позволяет вернуться к версии, обоснованной М. Фасмером [Vasmer 1935], согласно которой мерянский язык был близок к марийскому. Поэтому напрасно отвергается связь этнонимов *меря* и *мари*, на которую уже неоднократно указывали, начиная с М.А. Кастрена (подробности и дискуссию см. [Vasmer 1935: 515; Décsy 1965: 148, 236]). Несмотря на определенные звуковые различия, эти этнонимы, при всех высказанных возражениях, приходится относить к числу родственных названий финно-угорских народов. Следует также указать на удачное сопоставление компонента *-мерь* в названии реки *Локсомерь* (близ Ростова) с этнонимом *меря* [Vasmer 1935: 557]. Название это бесспорно финно-угорское, что хорошо подтверждается и наименованием реки *Локсица* в басс. Нерли Клязьминской. Сравнение *-мерь* и *меря* подтверждается современным марийским материалом, ср. русские формы названий марийских населенных пунктов *Кукмарь*, *Лумарь*, *Мунамарь*, *Пижмарь* и соответствующие марийские *Кукмарий*, *Лумарий*, *Мунамарий*, *Пижмарий*, т.е. "Горные мари", "Лумские мари", "Мунанские мари", "Пижанские мари" [Ку克林 1985]. Фасмер был несколько озадачен тем, что *Локсомерь* — название реки, однако в старинных документах это — местность, село в Ростовском крае, ср. в грамоте 1473 г.: "да в Ростове Покровское, да Савинское да Локъсомерь з деревнями" [ДДГ 1950: 243]. Таким образом, первоначально *Локсомерь* — "Локсинская меря", "Меря на Локсе" (ср. р. *Локсица* < **Локса*). Эта конструкция совершенно аналогична марийской. Возможно, сюда же надо отнести и такие названия населенных пунктов на территории ИМЗ, как *Маймеры*, *Унемерь*, *Ючмер* и некоторые другие. Правда, Фасмер считает название *Унемерь* славянским [Vasmer 1935: 513], но ввиду гидронима *Уница* близ Ростова оно может быть и мерянским.

У Фасмера было недостаточно фактов и среди них не все надежные. Не было в то время и появившихся значительно позднее монографических работ по истории марийского языка. Однако главная трудность, преодолеть которую так и не удалось Фасмеру, состояла в том, что закрепленный в топонимии ИМЗ мерянский язык конца I тыс. н.э., фактически отражавший еще более древнее состояние, при отсутствии древнемарийских письменных памятников приходилось сравнивать с современным марийским языком. А за это время марийский язык претерпел серьезные изменения как в фонетическом, так и в лексическом отношении: вытесняя исконную лексику, в него проникли тысячи тюркских, а затем и русских заимствований. Это видно хотя бы по географической терминологии современного марийского языка, в которой много тюркских и русских слов, ср. *сер* "берег", *ял* "деревня" < тюрк. *остров*, *пролив* < русск. и т.п., а также описательных выражений типа *куакиш вер* "сухое место" (= "мель"), *сер нер* "береговой нос" (= "мыс"), *тура сер* "крутой берег" (= "обрыв") и т.п. Все это ограничивало возможности марийско-мерянских сопоставлений. Среднеустыянский ареал крайне интересен именно потому, что показывает развитие мерянского языка в том же направлении, что и марийского и даже наличие в мерянском языке тюркских элементов (см. 3).

Отождествление дифференцируемых мерянских топоформантов *-бож*, *-ингирь*, *-exр*(*яхр*-) > *-ер* с соответствующими фактами марийского языка существенно облегчает путь к пониманию специфики мерянского языка. Многое может дать и изучение мерянских топооснов, начатое в свое время Фасмером [Vasmer 1935]. Ср. примеры для территории ИМЗ: топооснова *вол-* (*Волгуша*) — марийск. *волгыдо* "светлый", *вонд-* (*Вондога*, *Вондох*) — *вондо* "куст", *ки* (*Кибож*, *Кибол*) — *кү* "камень", *кино-* (*Кинобал*) — *кыне* "конопля", *кож-* (*Кожовка*) — *кож* "ель", *корн-* (*Корнать*, *Корнега*) — *корно* "дорога, путь", *корнеж-* (*Корнеж*) — *курныж* "ворон", "коршун", *кутко-* (*Куткобал*) — *кутко* "муравей", *лев* (*Левангирь*) — *леве* "теплый", *луй-*

(Луя) — луй "куница", мерг- (Мергас, Мергель, Мергуша) и нерг- (Нерга, Нергель) — нерге "барсук", ней- (Нея) — ний "лыко", нуш- (Нушпола) — нуж "крапива" или нужгол "щука", порн- (Порнега, Порныши) — пурня "кузов, пестерь", пуч- (Пучеж, Пучуга) — пучы "олень", руж- (Ружбал, руш- (Руша) — руш "русский", том- (Тома, Томушка) — тумо "дуб", чуч- (Чуча) — чўчў "дядя", шакиш- (Шакиша) — шакише "отвратительный, скверный", шерн- (Шерна) — шертне "ива", шокш- (Шокша, Шокишовка) — шокишо "рукав (реки)", шим- (Шимпол) — шим "черный", шорд- (Шордик, Шордога) — шордо "лось", шудо- (Шудобал) — шудо "трава", "сено", шул- (Шула) — шульшио "талый", юкиш- (Юкиша) — йўкўк, йўкиш "лебедь".

Количество примеров можно умножить, тем не менее приходится признать, что выявление материала такого рода связано с немалыми трудностями: все-таки мы имеем дело с разными языками или далеко разошедшимися наречиями, поэтому многие факты не сводятся к марийскому языку или требуют комментирования, иногда обширного.

Показательно, например, различие между марийск. *njñčö* "сосна" и топоосновой *печ* с тем же значением в многочисленных топонимах ИМЗ, идентифицируемых достаточно надежно как мерянские (Печехра, Печкур, Печкура, Печхар) или во всяком случае как финно-угорские (Печегда, Печенга, Печехта, Печуга), вынуждающие предполагать (с учетом морд. *ниче*, коми *пожѳм*, фин. *petäjä* "сосна"), что современный марийский язык сохранил в данном случае более древнее состояние консонантизма, чем мерянский и другие финские языки (см. об этом [Лыткин, Гуляев 1970: 223]).

Иногда, казалось бы, убедительная этимология ждет подтверждения в виде дополнительных свидетельств, например, лингвогеографических. Так, гидроним *Акиша* в басс. р. Устье близ Ростова при отсечении русского *-ка* возводится к домарийск. **aš* "белый" (ср. морд. *ашо* "белый"), что находит подтверждение в названии болота *Белое* в устье этой реки. Но необходимы и другие факты сохранения древнего **a* на территории ИМЗ. Возможно, к ним относится *Ванчуга* — марийск. *вончак* "брод" [Vasmer 1935: 564] (ср. *Вончес* на СУ).

Есть и собственно лексические загадки. Так, многочисленные названия небольших речек *Шача*, неизвестные на РС, могут рассматриваться как топонимизированный географический термин со значением "исток", "источник", "родник". В связи с этим полезно вспомнить горно-марийск. *шачаш* "рождаться", "родиться" (но ср. также саам *šasse* "вода"). Если эти названия мерянские, они хорошо иллюстрируют наличие специфически мерянского лексического фонда.

Значительные трудности связаны также с существованием различных мерянских диалектов. О членении мери на племена не раз писали археологи [Горюнова 1961: 38, 248; Голубева и др. 1987: 70]. Была даже высказана мысль о мерянских языках [Попов 1974: 21—22]. Поэтому возможно, что топоформанты, которые в пределах ИМЗ имеют ограниченное распространение (*-бож*, *-ингирь*, *-кур*, *-курга*), восходят к разным мерянским диалектам. Но есть и другие указания на диалектную дробность мерянского языка, ср., напр., противопоставление речных названий на *-ега*, *-ога* в ярославских и костромских землях владимирским гидронимам на *-ех*, *-их*, *-ух*, *-юх*. Даже если конечное *x* русского происхождения [Поспелов 1967: 81], владимирские названия на *-V + x* отличаются от наименований на *-V + ga* консонантным исходом. Отсюда возможность диалектного варьирования в сущности одного и того же названия, обозначающего разные реки, ср. *Вондух*, но *Вондога* (марийск. *вондо* "куст"). В той же владимирской зоне названия озер *Юхор* и *Юхора*, очевидно, являются географическими терминами со значением "озеро" в самостоятельном топонимическом употреблении, свидетельствуя о сужении корневого гласного (ср. *Яхробол* в Ярославской области), которое уже было описано в топонимии ВОМ и гидронимах на *-V + x* [Никонов 1960] и очень характерно для марийского языка [Грузов 1969: 126—130]. Если к сказанному добавить оппозицию топоформантов *-кур* и *-курга* (см. 2), создается

впечатление, что владимирско-суздальские меряне в языковом отношении существенно отличались от ярославских и костромских.

Диалектной пестротой мерянского языка объясняется и сложность идентификации в качестве мерянских многочисленных на территории ИМЗ гидронимов на *-V + кса*, *-V + кша* типа *Веркса*, *Колошка*. Топоформанты *-V + кса*, *-V + кша* достаточно надежно интерпретируются на марийской почве. Их можно рассматривать как диалектные разновидности географического термина, сохранившегося до сих пор в марийском *икса* "маленькая речка", "залив", "пролив", русском диалектном слове *вёкса* (КК) "сток из озера" (отсюда многочисленные в КК реки с названием *Вёкса*, вытекающие из озер), коми *вис* (*виск-*), "проток из озера в реку", волго-окских гидронимах типа *Икша*, *Быкса*, а также в многочисленных на РС гидронимах *Икса* и названиях рек на *-V + кса*, *-V + кша* (подробности см. [Матвеев 1974]). Волго-окские названия на *-V + кса*, *-V + кша* вполне могут быть мерянскими, что допускал и М. Фасмер, сравнивая гидроним *Колокша* (притоки Волги и Клязьмы) с марийск. *кол* "рыба" [Vasmer 1935: 554, 567]. К "рыбным" названиям можно добавить и не менее примечательные "мясные", ср. многочисленные в ИМЗ гидронимы типа *Шелекша*, *Шелокша*, *Шилекша*, *Шилокша* и марийск. *шыл* "мясо" (семантическая модель известна в финно-угорской гидронимии, ср. коми-зыр. *Яйю* "Мясная река", коми-перм. *Яйва* "Мясная вода"), но они, однако, выходят за пределы ИМЗ на территории ВОМ и засвидетельствованы также на РС (*Шелекса*, *Шилекша*, *Шилокша*). Поскольку ареал гидронимов на *-V + кса*, *-V + кша* шире, чем зона ИМЗ, среди них могут быть не только мерянские, но и более древние названия.

Наконец, трудности для интерпретации создаются и теми компонентами мерянских названий, которые не имеют соответствий в марийском языке, но находят их в прибалтийско-финских словах, являющихся при этом балтийскими или германскими заимствованиями, ср. *лухто-* в *Лухтобажа* и фин. *luhta*, вепс. *luht* "заливной луг" (< балт.), *рандо-* в *Рандобож* и фин. *ranta*, вепс. *rand* "берег" (< герм.) [SKES 1955—1981: 306, 734]. Меря была самым западным волжско-финским народом, контактировала с голядью, а возможно и с готами, тем не менее наличие в словарном составе ее языка прямых или воспринятых через прибалтийско-финское посредство балтийских и германских заимствований потребует еще осмысления. Скорее всего, однако, следует видеть в этих словах прямые мерянские заимствования из языка вепсов, самой южной прибалтийско-финской народности, тем более что оба упомянутых выше гидронима относятся к западной периферии мерянского ареала. Здесь в топонимии явно прослеживаются элементы прибалтийско-финского (вепсского) типа, особенно на северо-западе ИМЗ в Пошехонье, где меря соседствовала с весью [Vasmer 1935: 580]. По археологическим данным вепсы принимали активное участие в освоении этих земель [Горюнова 1961: 183—185; Седов 1982: 188—192; Голубева и др. 1987: 69]. Ср. в Пошехонье и примыкающих к нему с юга мерянских территориях гидронимы *Мягра* (вепс. *mägr* "барсук"), *Сарка* (вепс. *sara* "разветвление"), *Корбушка* (вепс. *kořb* "глухой лес"). Иногда происхождение пошехонских названий проблематично, ср. гидроним *Маткома*, где легко опознается вепс. *matk* "путь", но суффикс *-V + ма* заставляет думать о саамских или мерянских истоках наименования. Прибалтийско-финский адстрат был выявлен и на территории КК [Востриков 1979: 70—72], а наличие таких топонимических рядов, как *Сарка* (Пошехонье) — *Белая Сара* (КК) — *Сара* (Ростов) позволяет предполагать, что вепсы проникали далеко вглубь мерянской территории. В связи с этим примечательны и названия с топоосновой *мст-* < **муст-* (вепс. *must* "черный") *Мстера* и *Мстижа* во владимирских землях. Можно допустить, что они мерянские, однако эта топооснова пока не выявлена в ярославской и костромской зонах. Нет ее и в названиях мерянского типа на РС. Поэтому приходится считать названия с основой *мст-* либо прибалтийско-финскими, либо специфическим достоянием владимирского диалекта мерян.

Вместе с тем следует заметить, что типичные прибалтийско-финские микрогидронимические и микротопонимические типы, напр., на *-ой*, *-уй* "ручей", *-лахта* "залив", *-немь* "мыс" и т.п. в ИМЗ не прослеживаются. Некоторые следы их обнаруживаются только в Пошехонье, где встречаются микрогидронимы с топоформантами *-ой*, *-уй* типа *Ангуй*. Не установлено и хронологическое соотношение прибалтийско-финских и мерянских названий. Но, судя по отсутствию микротопонимов, прибалтийско-финский пласт весьма древнего возраста.

5. МЕРЯНСКИЙ И СЕВЕРНОФИНСКИЕ ЯЗЫКИ

Выявление мерянского микрорегиона на СУ позволяет поставить вопрос о мерянских элементах в других микрорегионах РС и об отношении мерянского к так называемым северофинским языкам. Поскольку о севернофинских языках нам уже приходилось писать [Матвеев 1969, 1995], напомним только, что так условно обозначаются языки предположительно выделенного древнего пласта топонимии РС, интерпретируемого как на прибалтийско-финско-саамской, так и на волжско-финской, прежде всего на марийской, почве. К этому пласту относятся в первую очередь гидронимы на *-V + н(ь)га*, *-V + ма*, *-V + ша*, однако формантный инвентарь северофинских названий, видимо, будет еще пополняться по мере идентификации топоформантов. Возможно, среди севернофинских языков были промежуточные между прибалтийско-финско-саамскими и волжско-финскими, а также собственно волжско-финские языки типа мерянского или марийского в очень древнем состоянии.

Как уже указывалось, с уверенностью о мерянском можно говорить только применительно к среднеустьянскому ареалу. Правда, этнотопонимические данные, недавно обнаруженные в картотеке СТЭ Э.Ю. Поповой (*Мерьское болото*, *Мерьков ручей*⁴) указывают на пребывание мери и далее к востоку на широте среднеустьянского ареала, но уже за Сев. Двиной в Красноборском и Вилегодском районах Архангельской области. Однако пока здесь не выявлена типичная мерянская топонимия, например, названия на *-енгарь*. Это может объясняться диалектными различиями в мерянском языке, чисто топонимическими факторами, в частности, степенью сохранности названий, и, наконец, таким достаточно широко распространенным явлением, как перенос этнонима на другой народ.

Собственно топонимический материал РС дает иногда примеры полной тождественности основ мерянских топонимических типов (см. 2) с мерянскими топоосновами ИМЗ (см. 4), ср. *вонд-* (*Вондокурье*), *руш-* (*Рушеягр*), *чуч-* (*Чучебала*), *юкиш-* (*Юкишеболка* < **Юкишебола*) и др. Кроме того, топонимия РС пополняет инвентарь мерянских топонимов ИМЗ (ср. *Удорбала* и марийск. *удыр* "дочь", "девушка"). Есть и пример интересной метонимической кальки, ср. *Чучебала* (марийск. *чүчү* "дядя") и название смежной деревни *Сеталская* (фин. *setä* "дядя", *setälä* "дядино место") (подробнее см. [Матвеев 1995: 38]). Тем не менее пока мы не можем с уверенностью считать все эти северные наименования собственно мерянскими. Зато достаточно легко устанавливается общность севернорусских топонимов мерянского типа (см. 2) с севернофинскими названиями, ср. *Андопал—Андома*, *Вондокурье—Вондонга*, *Ух(т)важ—Ухтома*, *Чучебала—Чучега* и т.п. Однако место "мерянского" элемента в севернофинском не должно преувеличиваться: есть очень популярные на РС топоосновы, которые не встречаются в топонимии мерянского типа, ср. *куз-* (*Кузема*, *Кузеньга*) "ель" или *шард-* (*Шардома*, *Шарденьга*) "лесь".

Показательно также сопоставление севернофинских гидронимов РС с гидронимией ИМЗ, свидетельствующие, что на территории ИМЗ есть типичная севернофинская топонимия, причем в ряде случаев наблюдаются полные совпадения (*Андома*,

⁴ К типологии личного имени или прозвища **Мерько* (> *Мерьков*) ср. *Варяжко*, *Татаринко* [Селищев 1968: 114], *Русинко*, *Чудинко* [Тупиков 1903: 343, 431].

Печеньга, Урдума, Ухтома и др.). Есть и такие топоосновы, которые встречаются и в севернофинских названиях и в топонимах мерянского типа как на РС, так и в ИМЗ, ср. *Ухтома—Ух(т)важ* (РС) и *Ухтома—Ухтингирь* (ИМЗ), ср. также *Ягрома—Рушеягр* (РС) и *Яхрома—Яхробол* (ИМЗ). Вместе с тем некоторые важные топоосновы РС не представлены в ИМЗ и среди них, в частности, уже упомянутые *куз-* и *шард-*. Таким образом, мерянский топонимический материал лишь частично совпадает с севернофинским.

Рассматривая севернофинскую топонимию в целом, следует отметить (вопреки нашим прежним наблюдениям), что в ней обнаруживаются и элементы, дифференцируемые как мордовские. Это, конечно, еще больше усложняет интерпретацию. Так, топонимы на *-V + n(b)ga* содержат основы, которые могут идентифицироваться как прибалтийско-финские (*Корбанга* — карел. *korbi* "глухой лес"), саамские (*Явроньга* — саам. *jawre* "озеро"), марийские (*Шарденьга* — горномарийск. *шарды* "лось"), мордовские (*Покшеньга* — эрзя-морд. *покиш* "большой"). Но поскольку фактов много, есть надежда, что со временем севернофинский материал будет интерпретирован достаточно полно, так что может быть отпадает и необходимость в самом термине "севернофинский" или он будет применяться только по отношению к какой-то определенной части этих топонимов.

Таким образом, вопрос об отношении мерянского языка к севернофинским в настоящее время может быть только поставлен, хотя уже сейчас ясно, что у мерянских и севернофинских названий много общего. Надо, однако, иметь в виду, что севернофинская топонимия связана с заселением РС в глубокой древности, а мерянские названия СУ относятся к нашему тысячелетию.

6. ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Исследователи достаточно единодушны в том, что мерю и марийцев этнически следует различать, но это не означает, что следует считать опровергнутой старую гипотезу, что меряне говорили на одном из древнемарийских наречий (языков?), возможно наиболее специфическом. Во всяком случае из всех ныне существующих финских языков по дифференцирующим лексическим соответствиям ближе всего к мерянскому именно марийский, различия же во много объясняются древним состоянием мерянского языка и инновациями марийского.

До окончательных выводов материал еще недостаточен, однако перед мерянисткой довольно привлекательные перспективы, связанные прежде всего с изучением субстратной топонимии, при этом один из плодотворных путей — сравнение мерянских данных с севернофинским, засвидетельствованным на территориях РС и ИМЗ, что будет способствовать как прояснению самого севернофинского материала, так и углублению наших знаний о мерянском языке и его диалектах.

Близость к севернофинским названиям совсем не означает, что мерянский должен непременно рассматриваться как промежуточный язык между прибалтийско-финскими и волжско-финскими языками. Ясно другое: фонетически и лексически он был значительно ближе к древним финским наречиям, чем к соответствующим языкам нашего времени.

Не следует, однако, ни слишком "удревнять" мерю, ни преувеличивать ее роль в формировании великорусской народности. Это был вряд ли особенно многочисленный, но расселенный на огромной территории диалектно раздробленный этнос, быстрому обрусению которого способствовала как демографическая ситуация, так и местопребывание на стратегически важных для русского населения местах.

Хронологически и территориально меря сосуществовала с другими волжскими финнами, и по образу жизни существенно не отличалась от мордвы и марийцев, а также вымерших муромы и мешеры. Именно поэтому не приходится думать о том, что в зоне ИМЗ мерянская топонимия абсолютно преобладает или даже образует единственный дорусский пласт. Подобно современным марийским и мордовским топонимам,

мерянские названия являются поверхностным слоем, местами господствуя, местами почти исчезая. Это обусловлено неравномерностью мерянского расселения и русского освоения мерянских топонимов, а также наличием домерянских элементов как родственных с северно-финскими, так и вообще неидентифицированных.

Поэтому бытование того или иного топонимического типа на территории ИМЗ, как и какого-либо диалектного заимствования, само по себе совсем не означает, что данные языковые факты мерянского происхождения. Это только одна из возможностей, которая в каждом отдельном случае должна тщательно изучаться. В конце концов то, что топонимы с формантами *-бал*, *-бол* и *-курга* являются именно мерянскими, лучше всего доказывает не столько их связь с территорией ИМЗ, сколько небольшой среднеустынский регион, где мерянские названия функционировали хронологически позднее, в известном смысле вторичны и представлены более комплексно и компактно, чем на территории ИМЗ.

Очевидно, что поиск мерянских реликтов в русской диалектной лексике при соответствующей источниковедческой и методической подготовке тоже может принести определенные результаты. Но в статье, основанной исключительно на топонимическом материале, было нецелесообразно рассматривать и эту многоаспектную проблему. Приведем только некоторые из реконструкций мерянской лексики, которые, вопреки мнению их автора, соответствуют опять-таки марийским данным, ср. "рыба": мерян **kol* (фин. *kala*, морд. — *кал*, марийск. *кол*), "язык": мерян **jelma* (саам. *njal' bme* — марийск. *йылме*), "вяз": мерян **šol'a* (фин. *salava* "ива ломкая", морд. *селей* — марийск. *шоло* "вяз"), "рябчик": мерян. **muza* (? фин. *metso* "глухарь" — марийск. *музо* "рябчик") и др. [Ткаченко 1985: 171—185].

Предстоит еще огромная работа по выявлению мерянского материала и его отделению от адстратных примесей и домерянского субстрата. Только тогда можно будет воссоздать более или менее приближенную к действительности лингвоэтническую карту ИМЗ и получить более определенное представление о мерянском языке.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Акты ...1975 — Акты русского государства 1505—1526 гг. М., 1975.
Андреева Ж.В. и др. 1987 — Эпоха бронзы лесной полосы СССР. М., 1987.
Брюсов А.Я. 1952 — Очерки по истории племен Европейской части СССР в неолитическую эпоху. М., 1952.
Востриков О.В. 1979 — Финно-угорские лексические элементы в русских говорах Волго-Двинского междуречья. Дис. ... канд. филол. наук. Свердловск, 1979.
Голубева Л.А. и др. 1987 — Финно-угры и балты в эпоху средневековья. М., 1987.
Горюнов Е.И. 1961 — Этническая история Волго-Окского междуречья. МИА. № 94. М., 1961.
Грузов Л.П. 1969 — Историческая грамматика марийского языка. Введение и фонетика. Йошкар-Ола, 1969.
ДДГ 1950 — Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв. М.; Л., 1950.
Добродомов И.Г. 1980 — Проблема изучения мерянского субстрата в севернорусских говорах // Лексика и фразеология севернорусских говоров. Вологда, 1980.
Европеус Д. 1868 — К вопросу о народах, обитавших в средней и северной России до прибытия славян // ЖМНП. 1868. Т. 139.
Европеус Д.П. 1874 — Об угорском народе, обитавшем в средней и северной России, в Финляндии и в северной части Скандинавии до прибытия туда нынешних их жителей. СПб., 1874.
Исанбаев Н.И. 1994 — Марийско-тюркские языковые контакты. Ч. 2. Йошкар-Ола, 1994.
Кулкин А.Н. 1985 — Названия физико-географических объектов Марийской АССР (с комментариями) // Вопросы марийской ономастики. Вып. 5. Йошкар-Ола, 1985.
Лыткин В.И., Гуляев Е.И. 1970 — Краткий этимологический словарь коми языка. М., 1970.
Матаев А.К. 1965 — Структурно-морфологические типы севернорусской субстратной топонимики // Питання ономастики. Київ, 1965.
Матаев А.К. 1969 — Происхождение основных пластов субстратной топонимики русского Севера // ВЯ. 1969. № 5.

- Матвеев А.К. 1970 — Русская топонимика финно-угорского происхождения на территории севера Европейской части СССР. Дис. ... докт. филол. наук. М., 1970.
- Матвеев А.К. 1974 — К этимологии коми-зыр. вис- (виск-) // АЛН. Т. 24 (1—4). Budapest, 1974.
- Матвеев А.К. 1978 — Топонимические этимологии. XI (Название озера Неро) // Советское финно-угроведение. 1978. № 1.
- Матвеев А.К. 1984 — Еще об этимологии этнонима *зырянин* // Этимологические исследования. Свердловск, 1984.
- Матвеев А.К. 1995 — Аппелятивные заимствования и стратификации субстратных топонимов // ВЯ. 1995. № 2.
- Никонов В.А. 1960 — Неизвестные языки Поочья // ВЯ. 1960. № 5.
- Попов А.И. 1965 — Географические названия (введение в топонимику). М.: Л., 1965.
- Попов А.И. 1974 — Топонимика древних мерянских и муромских областей // Географическая среда и географические названия. Л., 1974.
- Поспелов Е.М. 1967 — Картографирование как метод исследования субстратной топонимии // ВЯ. 1967. № 1.
- Поспелов Е.М. 1970 — Метод географических терминов в анализе субстратной топонимии Севера // Местные географические термины. Вопросы географии. Сб. № 81. М., 1970.
- Седов В.В. 1974 — Гидронимические пласты и археологические культуры центра // Топонимия Центральной России. Вопросы географии. Сб. № 94. М., 1974.
- Седов В.В. 1982 — Восточные славяне в XI—XIII вв. М., 1982.
- Селищев А.М. 1968 — Происхождение русских фамилий, личных имен и прозвищ // Избр. труды. М., 1968.
- Серебренников Б.А. 1955 — Волго-окская топонимика на территории Европейской части СССР // ВЯ. 1955. № 6.
- Серебренников Б.А. 1974 — Вероятностные обоснования в компаративистике. М., 1974.
- Титов А.А. 1885 — Ростовский уезд Ярославской губернии. Историко-археологическое и статистическое описание. М., 1885.
- Ткаченко О.Б. 1985 — Мерянский язык. Киев, 1985.
- Третьяков П.Н. 1970 — У истоков древнерусской народности. МИА. № 179. Л., 1970.
- Тупиков Н.М. 1903 — Словарь древнерусских личных собственных имен. СПб., 1903.
- Фосс М.Е. 1952 — Древнейшая история Севера Европейской части СССР. МИА. № 29. М., 1952.
- Décsy Gy. 1965 — Einführung in die finnisch-ugrische Sprachwissenschaft. Wiesbaden, 1965.
- Kalima J. 1941 — Äänisen tienoon paikannimiä // Virittäjä. 1941. № 3—4.
- Kalima J. 1942 — Karjalaiset ja merjaleiset // Uusi Suomi. 1942. Т. 19(VII).
- Nissilä V. 1967 — Dorfnamen des alten lüdischen Gebietes. MSFOu. Т. 144. Helsinki, 1967.
- Pogodin A. 1933 — Was ist Merja? // Liber semisaecularis Societatis Fenno-Ugricae. MSFOu. Т. 64. Helsinki, 1933.
- Ravila P. 1937. — Das Merja-Problem im Lichte der Ortsnamenforschung // FUF. Bd. XXIV. № 1—3. Anzeiger. Helsinki, 1937.
- Ravila P. 1938 — Merja und Tscheremissen // FUF. Bd. XXVI. № 1. Anzeiger. Helsinki, 1938.
- SKES 1955—1981 — Suomen kielen etymologinen sanakirja. Т. I—VII. Helsinki, 1955—1981.
- Vasmer M. 1935 — Beiträge zur historischen Völkerkunde Osteuropas. III. Merja und Tscheremissen // SPAV. Phil.-hist. Klasse. Bd. XIX. B., 1935.